

Наталья Шевцова

Ещё неизвестно, кому место
в АКАДЕМИИ
БОЕВЫХ ДРАКОНОВ!

Наталья Шевцова

**Еще неизвестно, кому место в
Академии Боевых Драконов!**

«Автор»

2026

Шевцова Н.

Еще неизвестно, кому место в Академии Боевых Драконов! /
Н. Шевцова — «Автор», 2026

– Эджения, берешь ли ты в свои мужья и господины Натаниэля, дабыС тех пор, как год назад Евгении стал снова и снова сниться этот странный сон, она слышала этот вопрос уже дюжину раз.И эту же дюжину раз она недоуменно-язвительно интересовалась:– Куда-куда беру? В господины?! – вслед за чем, дабы подчеркнуть всю нелепость подобного предложения, раздражалась гомерическим смехом: – Аха-ха-ха-ха-ха-ха! Ну уж нет! Разумеется, нет! – дважды повторяла она своё категорическое «нет». Просто, на всякий случай, дабы быть уверенной наверняка, что её все поняли чётко, определенно и однозначно.Однако её снова и снова не понимали и каждый раз уточняли...– Ка-а-ак «нет»?! – удивленно-растерянно восклицал священник.– Ка-а-ак «нет»?! – эхом вторила ему многочисленная толпа.

Содержание

От автора:	5
Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Наталья Шевцова

Еще неизвестно, кому место в Академии Боевых Драконов!

От автора:

Дорогие читатели,

Это совершенно отдельная история, не имеющая ничего общего с циклом Настоящее Новогоднее Чудо.

Единственное: победа добра над злом и в этой истории тоже случится не без помощи небожителей: Арона и Вари.

Пролог

Влетев в маленькую кухоньку, злющий, как тысяча голодных псов, у которых только что из-под носа утащили кусок мяса, глава Межреальной Службы Искоренения Аберраций застал настолько идиллическую картину, что начисто забыл о том, с чего это вдруг он так разбушевался.

– Дядя Эрмий, блинчики с творогом будешь? – поинтересовалась у него хорошенькая, лет этак пяти, с подхваченными обручем золотистыми кудряшками до плеч, зеленоглазая маленькая фея в пижаме.

– Э-эээ что? – растерялся Эрмий.

– Блинчики, – покровительственно, словно разговаривала с потерявшим слух стариком, громко повторила маленькая фея, с самым важным видом кивая головой на ложку с творогом, которую она держала в руках. – У нас сегодня на завтрак блинчики с творогом. Я готовлю, а Арон мне помогает! – торжественно объявила она.

Стоящий у плиты высокий и худой помощник перевернул блин и поднял руку, приветствуя гостя.

– Привет, шеф! Раз уж пришёл, с тебя кофе!

Уже пришедший в себя и потому вспомнивший, для чего, собственно, он разыскивал этих двоих Эрмий, возмутился:

– Какой ещё, к демонам, кофе?!

– Тот, который вы – нам, а мы вам – блинчики с творогом! – деловым тоном пояснила златовласка.

– Из кофеварки, возле которой ты стоишь, – подсказал Арон и указал рукой в направлении автомата. – Я надеюсь, ты помнишь ещё, как ею пользоваться?

– Зря надеешься! – сварливо парировал Эрмий. – Даже, если бы я помнил, как ею пользоваться, я скорее разбил бы её тебе о голову, чем приготовил ТЕБЕ кофе! Не строй из себя идиота Арон, ты прекрасно знаешь, зачем я сюда пришел!

– С каких это пор, проявлять гостеприимство, означает строить из себя идиота? – удивленно спросил Арон и, в поисках поддержки, посмотрел на маленькую золотоволосую фею.

Та пожала плечами и, в недоумении округлив громадные зеленые глазища, укоризненно посмотрела на гостя.

– Вот только не надо делать идиота с меня! – оскорбился тот и, достав из кармана кристалл памяти, поставил его на стол и активировал.

На белоснежной поверхности холодильной камеры тут же появилось изображение.

Празднично украшенные улицы. Толпы нарядно одетых людей, заполнивших пространство дворцовой площади не только на земле, но и над землей, в том смысле, что народ заполнил собой все смотрящие на площадь балконы и даже крыши.

Наконец, заиграла торжественная музыка, и на широкий балкон в окружении свиты и зорко следящих за толпой стражников вышел одетый в белоснежный мундир рыжеволосый мужчина. При виде которого толпа буквально взорвалась восторженными криками и рукоплесканиями.

Всем своим видом демонстрируя благодушие, самодостаточность, надежность и уверенность Великий Король объединенных драконьих земель Кинварх Златокрылый приветственно помахал своему народу.

Народ в ответ на это взорвался ещё более радостными и громкими возгласами и аплодисментами, которыми, однако, Великому Королю стоя наслаждаться не позволили.

Точнее, не позволила одна единственная неизвестно откуда появившаяся девица, которая с криком: «Берегись!» прыгнула напрямик на Его Величество и, сбив его с ног, завалила

сквернавка этакая... не на тёплый и мягкий коврик, а на твёрдый и холодный мраморный пол! Более того вместо того, чтобы сразу же слезть с монарха, дабы позволить лекарям заняться его ушибленной головушкой и спинкой, она продолжила на нём лежать, словно это не Великий Король был, а самый обычный коврик.

– И долго вы ещё будете на мне лежать? – К чести Его Величества, голос его был спокоен и даже вежлив. Правда, и спокойствие и вежливость эти были настолько по-королевски холодными, что у всех, кому когда-либо доводилось слышать такой его голос, холодело в душе. У всех, кроме этой девицы. Во всяком случае, с коврика, пардон с Его Величества, она даже и не подумала слезть.

– Я не лежу на вас, а прикрываю вас своим телом, Ваше Величество! – мало того, что, не извинившись, так ещё и с упрёком в голосе объявила девица.

– Вы это о чём? – недоуменно переспросил монарх, начиная подозревать, что головой он ударился намного серьёзней, чем изначально подумал. Кроме как галлюцинацией, он больше никак не мог объяснить себе лежащую на нём девицу. Хотя бы уже потому, что лежать на нём ей бы не позволила его охрана.

– О том, что вас и всех остальных на балконе пытались убить! Точнее, вас попытались, а всех остальных прикончили! Поэтому, если хотите жить, лежите и не дергайтесь!

На этом изображение на двери холодильной камеры замерло.

– Что это?! – грозно спросил гость. – Я вас спрашиваю, что это?!

Изобразив глубокую задумчивость, златоволосая пятилетняя фея часто-часто удивленно захлопала огромными глазищами.

Уперев руки в боки, Эрмий терпеливо ждал. Он вроде и понимал, что перед ним вовсе не пятилетняя малышка, а бессмертная всемогущая сущность, способная менять будущее по своему усмотрению. И что зовут эту сущность не Варя, а Вариатор Будущего. Тем не менее, каждый раз, повышая на Варю голос, он чувствовал себя последним мерзавцем.

– Тетя упала на дядю? – тоненьким, детским голоском выдала, наконец, лже-малышка.

– Ва-ааря!!! – всё же не сдержался и гаркнул он. – Ты прекрасно знаешь, о чём я! И ты тоже! – обвинительно ткнул он указательным пальцем в своего, так называемого, лучшего друга.

Огромные зеленые глазища малышки наполнились слезами. Маленький носик шмыгнул.

– Варя, пожалуйста, давай без слёз, – почти умоляюще попросил Эрмий, против воли чувствуя, как сердце его наполняется раскаянием. – Я знаю, что это ваших рук дело. Более того, я знаю также о том, что вы кое о чём попросили Дардяна, – многозначительно добавил он, скрестив на груди руки. – Поэтому, – он снова упёр руки в боки. – Я жду объяснений.

– Что касается того, о чём я попросила Яна, согласна, там есть, что объяснить, – перестав изображать из себя маленькую наивную девочку, тоном и голосом уверенной в себе взрослой деловой женщины заговорила Варя. – Но вот что тебе здесь не нравится, – кивнув головой на импровизированный экран, пожала она плечами, – лично я не понимаю! Все, кто должен был остаться жить, живы. Все, кто должен был умереть, мертвы. Нет, – отрицательно покачала она головой. – Не по-ни-ма-ю!

Заранее зная, что эти двое будут отпираться до последнего, Эрмий предвкушающе усмехнулся.

– Ва-аря, Ва-аря, Ва-ааря... – укоризненно покачал он головой и выложил на стол припрятанный в рукаве козырь. – Да будет вам обоим известно, – почти торжественно возвестил он, – что после истории со Вторым, я ежевечерне просматриваю историю изменения событий в Категоризаторе Межреальностной Памяти! Ну что, как теперь с пониманием? Озарило вдруг? – насмешливо поинтересовался он, впериw осуждающий взгляд в лучшего друга, поскольку именно его считал более слабым звеном в этой связке. – А ты? Не успел получить дар сноходца

и сразу же поступил, как и в своё время Второй, использовал снохождение в своих целях! Не ожидал я от тебя, Арон, не ожидал...

И расчёт его не подвел. Лучший друг виновато потупился и тяжело вздохнул.

– Арон не причём! – тут же вступилась за «слабое звено» Варя. – Это всё я! Просто с бедной девушкой так несправедливо поступили, а она всего-то и хотела просто быть собой. И я просто не смогла... – девочка шмыгнула носом. – Просто не смогла остаться в стороне. Тем более, что я всё просчитала и уверилась, что наше с Ароном и Дардьняном вмешательство не приведет ни к каким катастрофическим последствиям, наоборот сделает целый мир добрее и справедливее.

Раздумывая над убедительным аргументом, Эрмий почесал затылок. Однако это испытанное средство активизации мыслительного процесса в этот раз не помогло. Потому тяжело вздохнув, он выдал банальную и затёртую до дыр сентенцию:

– Варя, не мне тебе рассказывать, что правила не просто так придуманы. И почему самое главное из них – невмешательство.

Малышка на миг задумалась, затем дёрнула худеньким плечиком и поинтересовалась:

– Первый, вы о тех правилах, которые для Психопомпов?

– Да, я об этих правилах, – не заметив расставленной ловушки, ворчливо ответил Эрмий.

– Ну тогда разрешите напомнить вам, ШЕФ, что я не Психопомп, а Вариатор Будущего! – одарив сияющей улыбкой, гордо заявила золотоволосая малышка, особенно сладко и иронично выделив обращение «шеф». – И что моя работа как раз и заключается в том, благословлять Психопомпов на вмешательство в дела смертных или не благословлять.

В надежде придумать достойный контраргумент, Эрмий снова почесал затылок. И снова совершенно безрезультатно. Его оппонентка хотя и несколько извращала факты, но в целом была права. Поэтому он не придумал ничего лучше, чем выдать очередную сентенцию.

– Варя, есть такой термин, как исключительная насущная необходимость. И до сих пор, мы, я имею в виду тех, кто следует правилам, обращаясь к тебе за расчетом наиболее благоприятного исхода в будущем, руководствовались только и именно этим термином. Который, к слову, используется исключительно при возникновении ситуации, чреватой исчезновением с лица Вселенной сразу нескольких миров. Повторю ещё раз, – многозначительно добавил он, почувствовав при этом, что наконец-то он поймал за хвост вдохновение: – **НЕСКОЛЬКИХ МИРОВ!!!** То есть, не одного мира, а сразу нескольких! А ты... – он на несколько секунд замолчал, подбирая цензурные слова, поскольку, хоть тресни, не мог он воспринимать Варю, как взрослую. – Ты пожалела и решила спасти одну девушку! После чего, дабы не допустить аберрации, ты спасла ещё одну! И затем, дабы помочь этой второй выжить в патриархальном обществе, ты подстроила феминистский переворот в сознании монарха! – торжественно закончил глава МСИА (Межреальной Службы Искоренения Аберраций), уверенный не только в своей безусловной правоте, но и в том, что он достучался-таки до Вари.

Однако его ждало разочарование.

Варя его вдохновенными доводами несколько не впечатлилась.

– Да, спасла? И что? Разве я сделала этим кому-то хуже? – пожала плечами златовласка, в глазах которой плескалось искреннее и ничем незамутненное непонимание.

Эрмий открыл было рот, чтобы начать объяснять заново, но передумал: смиренно махнул рукой, закрыл рот и поинтересовался:

– Обмен – я вам кофе, вы мне блинчики с творогом ещё в силе?

Глава 1

Эджении не спалось.

Как бы она ни взбивала и ни укладывала подушки, они словно бы были набиты ни лебяжьим пухом, а еловыми шишками. Несмотря на настужь раскрытую балконную дверь и довольно прохладную ночь, ей было невыносимо жарко и душно.

Завтра, наконец-то, сбудется её самая заветная мечта. Так откуда же тогда этот страх? Что её тревожит?

Сколько Эджения себя помнила, она всегда была влюблена в Кинвета Золотокрылого. С их первой случайной встречи. Её отец не был одним из приближенных к Повелителю Золотокрылых драконов, а потому эта встреча долгие годы оставалась первой и последней. Кроме того, Эджения всегда знала, что Кинвет для неё недостижим. Он принц, а принцы женятся только на принцессах.

По этой причине её чувство к Его Высочеству было той комфортной разновидностью чистой, светлой и практически бескручинной любви, которую юные девушки испытывают скорее к придуманному рыцарю, чем к реально существующему человеку, и которая очень часто не выдерживает испытания реальностью.

Любовь Эджении, однако, не просто выдержала, но и стала ещё крепче: реальный повзрослевший и возмужавший Кинвет показался ей даже ещё более неотразимым, чем живший в её сердце идеальный образ.

Да и как мог идеальный образ соперничать с реальным, если реальный Кинвет не просто пригласил её на танец, но и признался, что она покорила его сердце.

Перед мысленным взором Эджении, вновь и вновь за эту ночь, как наяву распахивались широкие двери огромного бального зала императорского дворца и, растерянная и ослепленная она, застыла на пороге, не веря глазам своим...

Тот, кого она долгие годы видела лишь во сне и в мечтах, не просто шёл ей навстречу, он смотрел на неё и улыбался ей.

Когда же он назвал её по имени, Эджения, дабы убедиться, что не спит, отвела за спину руки и больно ущипнула себя за запястье.

Его Высочество шел к ней решительной и грациозной походкой, уверенного в выбранном направлении дракона. Его светло-каштановые волосы отливали золотом. Разноцветные отблески, падавшие от многочисленных огней, драгоценными камнями играли на его пути. Впрочем, Эджения не видела ни их, ни толпу причудливо разряженных юных лордов и леди за его спиной, головы которых были повернуты к ней. Она не могла отвести глаз от НЕГО.

Он приветствовал её низким голосом с хрипотцой. А она посмотрела ему в глаза и словно получила удар под дых.

Его глаза... Они были вовсе не карими, как у всех золотокрылых, а темно-синими, как самые глубины моря. Лимб¹ же радужной оболочки и вовсе казался угольно-черного цвета. Эджения отчетливо ощутила, как взгляд этих глаз проник ей в самую душу, подмечая всё: и её безнадежную любовь к нему и её безграничное, бесконечное счастье всего лишь от того, что у неё есть возможность просто стоять и смотреть ему в глаза.

Она так и приняла его руку, смотря прямо ему в глаза. Точнее, утонув в его глазах.

Играла какая-то мелодия. Именно какая-то... Сердце её билось столь громко, что она её просто не слышала.

¹ Лимб радужной оболочки край роговицы – место сочленения роговицы со склерой: разделительная полоса между роговицей и склерой шириной в 1,0-1,5 миллиметра.

Как она не отдала ноги пригласившему её на танец принцу, она до сих пор не знала. Хотя нет, неправда, всё она знала: Кинвет был потрясающим танцором и очень внимательным и чутким партнером.

Чтобы хоть как-то скрыть своё смущение, она заговорила.

– Мне кажется или на нас и, правда, все смотрят? – спросила она, бросив на принца робкий взгляд из-под опущенных густых ресниц.

Обведя быстрым взглядом зал, Его Высочество беззаботно рассмеялся.

– Нет, вам не кажется, мы в центре внимания. А потому не удивляйтесь, если вдруг начнете получать поздравления от некоторых здесь присутствующих...

– Поздравления? – Изумление её было так велико, что она всё же наступила ему на ногу, – Ох, простите...

Она боялась увидеть в глазах молодого человека насмешку или раздражение, но увидела лишь веселость и... нежность.

– Видите ли, многие тут знают, что я не танцую, – объяснил он.

– В это сложно поверить, вы – прекрасный танцор, – с искренним недоверием в голосе заметила она.

– Разумеется, я – прекрасный танцор, – согласился он, без тени хвастовства в голосе, просто констатируя факт. – По-другому и быть не может, я – же принц, как любит говорить моя матушка. Я имел в виду, что не танцую на балах с дебютантками высшего света.

– Почему? – она не флиртowała, не запрашивалась на комплимент. Ей просто было искренне интересно.

– Потому что до сих пор ни одна дебютантка не была вами, – в буквальном смысле, обласкав её взглядом, ответили ей.

У Эджении пересохло в горле. И всё же она нашла в себе силы, озорно улыбнуться, и насмешливо-скептически заметить:

– Если бы это было так, я была бы на седьмом небе от счастья, но здравый смысл мне подсказывает, что вы это говорите всем девушкам!

Кинвет понимающе усмехнулся и с нарочитой обидой в голосе поинтересовался:

– Иначе говоря, в любовь с первого взгляда вы не верите?

Она-то как раз верила, но признаваться ему в этом не собиралась. Хотя бы уже потому, что он явно не помнит их первую встречу, если считает, что сегодня увидел её в первый раз.

– Нет, не верю, – покачала она головой.

– А со второго? – вдруг спросил он, испытывая заглянув ей в глаза.

И Эджения забыла, как дышать.

– Не может быть, – прошептала она. – Я думала...

Закончил за неё принц.

– Что я вас забыл?

– Да, – кивнула она и зачем-то добавила: – Ведь прошло столько лет. И мы были совсем детьми. И встречались всего лишь однажды.

– Да, – согласился он с ней. – Мы были совсем детьми. И встречались лишь однажды. И я бы солгал, если бы сказал, что все эти годы носил ваш светлый и прекрасный образ в душе...

«Вот это сейчас было обидно, – подумала Эджения. Однако сразу же сама себя и одернула. – Нашла, на что обижаться?! Ты ему ещё претензию выкати!»

– Но увидев вас сегодня, – продолжал между тем Кинвет. – Я вас сразу узнал.

Эджения хотела сказать ему, что она тоже узнала его сразу, но в этот момент прекратилась музыка. И, следуя дворцовому этикету, принц вынужден был уступить честь танцевать с ней другому желающему.

Её новый танцевальный партнер был хорош собой и столь же грациозен и учтив, как и принц, но ей он был не интересен. Ей больше никто не был интересен.

Бал и танцы потеряли для неё всё своё очарование. Всё, о чём она мечтала – это скорее бы закончился танец, дабы она смогла, не нарушив приличия и не вызвав слишком уж досужих сплетен покинуть танцевальный зал.

Проследив за принцем взглядом, Эджения увидела, что он не танцует, а беседует с группой офицеров. И при этом время от времени посматривает на неё. Это давало ей надежду, что, как только она покинет зал, принц правильно истолкует её взгляд и маневр и последует за ней.

Ей было немного стыдно перед молоденьким виконтом, когда она, сославшись на головную боль и подарив тем самым ему ложные надежды, сначала попросила его проводить её на веранду, а затем отправила за стаканом воды, дабы получить возможность сбежать от него.

Но какой у неё был выбор? Иначе бы ей просто не удалось «случайно заблудиться» на «бесконечно длинных» балконах замка и снова же «совершенно случайно» столкнуться со своим любимым.

Эджения понимала, что ведет себя не так как подобает приличной молодой леди. Понимала, что её любимый может счесть её слишком доступной. Но ничего не могла с собой поделать. Она столько лет ждала этой встречи. Столько лет проигрывала её в своих мечтах.

Однако, как только она, терзаемая внутренними сомнениями, вдруг оказалась в плену нежно обнимающих рук и вдохнула уже знакомый запах терпкого мужского парфюма, все мысли о приличиях вылетели у неё из головы.

– Не пугайтесь, это всего лишь я! – нежный шепот раздался почти возле уха. – Я прикрыл нас отводом глаз, вы не против?

– Нет, – тут же заверила она.

– Как насчет шампанского? – Его Высочество протянул ей высокий бокал-флейту, в котором искрился и переливался всеми оттенками золота игристый напиток.

– Шампанского?.. Да, пожалуй... Но только, если один бокал, – предупредила она.

– А у меня больше и нет. Точнее, у меня в руках, конечно же, два бокала, но свой я вам отдавать как-то не собирался, уж простите, – насмешливо заметил принц.

Его игристое настроение передалось и ей.

– Уж, прощаю, – в тон ему парировала она.

За этой шуточной перепалкой она не заметила, как они спустились с балкона и оказались в зимнем саду, что был разделен белоснежными мраморными дорожками, лестницами и подземными переходами на так называемые «зеленые апартаменты». Меньшая часть из которых представляла из себя «закрытые» живописные беседки, где можно было уединиться, а большая – «открытые».

Эджения испугалась было, что Его Высочество ведёт её в одну из «закрытых» беседок, однако страхи её были напрасны. Пропетляв между цветочных клумб и островков плодовых деревьев, они оказались в закрытых апартаментах, стенами которым служила стекающая практически со всех сторон вода.

– И у всех на виду. И никто не подслушает, – с улыбкой объяснил Его Высочество.

Глава 2

Историю о том, что в юности её мать стала жертвой брачного афериста, который чуть было не оставил наследницу весьма солидного состояния без гроша, Евгения Мартынова, как ей казалось, знала ещё с пеленок. И примерно, с тех же пор она знала, что любой мужчина, пытающийся убедить её в существовании неземной любви, мечтает либо наложить лапу на её деньги, либо прибрать к рукам основанную её дедом и превращенную матерью в транснациональную принадлежащую её семье фармацевтическую компанию.

Посему в том, что Евгения выросла не просто практиком и циником, но и немного параноиком – не было ничего удивительного. Она росла красавицей, но не доверяла комплементарам.

Нет, дурнушкой она себя не считала. Она знала, что привлекательна и не стеснялась пользоваться своей внешностью. Но она определенно и точно не была из тех, кто «любят ушами». Впрочем, и глазами, она тоже не очень-то любила. Судила только по делам. И нельзя сказать, чтобы строго судила...

Просто настоящей и искренней любовью Евгении Мартыновой, была работа. И ей принадлежало всё её время, все её силы и все её чувства. Она любила свою работу за всё: и за чувство удовлетворения и самодостаточности, которые та ей приносила. И за усталость и волнения.

И работа платила ей абсолютной взаимностью. Из года в год, принося всё больше и больше удовольствия, позволяя Евгении заниматься только тем, что нравится, и вникать только в те вопросы, которые были ей интересны. Евгения давно уже появлялась на работе, согласно своему собственному расписанию. Давно уже никому и ни в чем не подчинялась, ни под кого не прогибалась и ни с кем не считалась. Будь то рабочие отношения или личные...

И если охотники за её состоянием с таким положением вещей до поры до времени стали бы мириться, то мужчины, которым нужны были не её деньги или компания, а она сама – мириться были не готовы. А потому неизбежно происходило одно и то же: как только заканчивался конфетно-цветочный период, начинались упрёки и попытки её изменить.

А меняться Евгения совершенно не хотела. Нет, не из принципа. Просто не понимала ради чего. Ради того, чтобы оставить в жизни того, кто её и так уже утомил своими упрёками и претензиями? Ради того, кому она не нравится такая, какая она есть? Как бы ни хорош был секс, секс того не стоил. И тем более подобного дискомфорта не стоило общественное мнение. Какое ей дело до тех, кто считает её несостоявшейся из-за того, что ей уже аж сорок шесть, а она, видите ли, не только ни разу замужем не была, но и даже детьми не обзавелась!

Не то, чтобы Евгения была против детей... Совсем не против. И если бы вдруг случилось залететь, она обязательно родила бы.

Но не случилось.

Сначала она думала не судьба, потом пошла проверилась. Просто на всякий случай. И выяснила, что и, правда, не судьба. Она была совершенно и безусловно бесплодна. Нельзя сказать, что известие это её обрадовало, но и трагедией не стало. Она не испытала ни чувства собственной ущербности, ни обиды на судьбу. Её ни разу не посетила мысль ни о бессмысленности дальнейшего существования, ни о том, что она наказана за какие-то там неизвестные ей грехи или, что её, например, сглазили или прокляли.

Для всех этих мыслей Евгения была слишком самодостаточной и приземленной натурой.

Евгения Мартынова не верила ни в гороскопы, ни в приметы, ни в вещие сны, ни в гадания, ни, тем более, в существование неких могущественных потусторонних или божественных сил, способных ей как навредить, так и помочь.

Она всему и всегда в жизни находила рациональные, научно-обоснованные объяснения. В том, числе и своему сну, который ей снился каждое полнолуние в течение последних то ли одиннадцати, то ли даже уже двенадцати месяцев.

Тем более, что объяснялся он очень просто: у каждого свои страхи и потому не было ничего удивительного в том, что ей снова и снова снился кошмар о том, что её то ли насильно, то ли обманом пытаются выдать замуж мало того, что за неизвестно кого, так ещё и этот неизвестно кто – смотрел на неё с откровенным презрением!

Не то, чтобы её это волновало или задевало... Просто подобное поведение брачного афериста, казалось, ей крайне неприличным!

На что он рассчитывал? Что она так и не придёт в себя? Хотя о чём это она? Это же сон.

Её кошмарный сон.

Её страх.

А потому нет ничего удивительного в том, что она видит не то отношение, которое аферист должен был бы ей демонстрировать, а его истинное отношение к ней.

Единственное, что её смущало – это то, что сколько бы раз ей не снился сон – в нём никогда ничего не менялось.

Снова и снова – это был один и тот же алтарь, один и тот же священник, один и тот же «жених» и одни и те же фразы.

Более того, сон каждый раз начинался одинаково, и заканчивался тоже... Точнее, не заканчивался, а обрывался тоже на одном и том же моменте...

В своём повторяющемся каждое полнолуние сне Евгения снова и снова просыпалась в чужой постели. Точнее, не просыпалась, а скорее приходила в себя, упиравшись взглядом в купол балдахина, который плавно и размеренно покачивался, словно парус яхты в открытом море в небольшой шторм...

Туда-сюда. Туда-сюда. Туда-сюда.

В пользу иллюзии яхты, качающейся на штормовых волнах открытого моря, говорили также и всё более нарастающие симптомы морской болезни. Прежде всего подкатывающая к горлу тошнота.

Однако Евгения даже во сне оставалась приземленной, в прямом смысле слова, и посему всегда сразу же отбрасывала эту мысль, как только она её посещала.

После чего закрывала глаза. Делала вдох, выдох. Переворачивалась на бок. И снова их открывала.

Само собой, открывая глаза в этот раз, она уже не видела купол балдахина. Лишь развевающиеся на ветру, словно знамена, многослойные тюлевые занавеси... нежно-розового цвета, ненавидимого ею всеми фибрами души.

Потому узрев также ярко-розовую подушку и белоснежный в ярко-розовых цветах одеяльник всегда делала один и тот же вывод:

«Я либо попала в мой личный ад, либо сплю, и мне снится кошмар»

Евгения и сама не знала почему, но она с детства совершенно не переносила розовый цвет.

Само собой, на этом неприятные сюрпризы не заканчивались, а лишь становились ещё более неприятными.

Кошмар всё-таки, а кошмары они, как известно, приятными не бывают.

– Оклемалась-таки?! – вдруг доносилось до неё сварливо-победоносное со спины. – Что, думала, с того света не достану? А я достал! – продолжал торжествовать мужской голос.

После этих его слов любопытство окончательно побеждало дремоту и Евгения оборачивалась на голос, чтобы узреть заглянувшего под балдахин краснолицего толстяка с сальным взглядом.

– Простите?.. – изумленно вопрошала она и тут же кривилась от боли, ибо ощущение было таким, словно она не слово молвила, а кусок каленого железа попыталась проглотить.

– Не прощу! Будешь должна мне и за это тоже, мерзавка! – зловеще возвещал толстяк и снова и снова протягивал ей пузырек с мерзко пахнущей жидкостью. – На вот, выпей!

– Нннне-ээ, – каждый раз пыталась отказаться она.

И опять, и снова ей это не удавалось.

– Бидх ми аг ордачадх дхут! – шипел толстяк, и Евгения вдруг переставала чувствовать своё тело.

Чем немедленно пользовался толстяк: хватал её за подбородок, надавливал на челюсть и вливал в приоткрывшийся рот содержимое пузырька.

Какой именно на вкус была влитая в неё жидкость Евгения не знала, но судя по привкусу, который она ощущала, как только вновь приходила в себя и к её нервным окончаниям и рецепторам возвращалась чувствительность – гадость была ещё та.

Придя в сознание, она обнаруживала себя стоящей перед живописной аркой, увитой зеленью и цветами франжипани.

Дальше больше: каждый раз она оказывалась одетой в усыпанное драгоценными камнями, длинное белое платье, под тяжестью которого она с трудом стояла на ногах. Голова её при этом раскалывалась от сдавливающей виски и затылок адской конструкции, которая лишь прикидывалась диадемой, а на самом деле, как и платье, была тем ещё орудием пыток.

Следующим, на что Евгения обращала внимание, был стоящий напротив неё седовласый старец в ярко-красной сутане.

Затем она чувствовала на себе чей-то взгляд сбоку и обнаруживала стоящего рядом с ней – красавца шатена в парадном военном мундире.

И первый, и второй смотрели на неё вопросительно.

С той большой разницей, что во взгляде одетого в сутану седовласого читались ласковая снисходительность и лёгкое недоумение, а во взгляде красавца шатена – вселенская скука и бездна раздражения.

В ответ на вопросительные взоры, понимающая ещё меньше седовласого и раздраженная гораздо больше спесивого красавчика Евгения, каждый раз лаконично-недовольно вопрошала:

– Что?

– Мы ждём вашего «да», – отечески улыбаясь, снова и снова радушно подсказал ей седовласый.

Шатен же на это всегда досадливо цокал языком и закатывал глаза.

Самовлюбленный козёл!

– И на что я соглашаюсь? – нахмурив брови, снова и снова иронично уточняла Евгения.

– Как это на что? – одновременно растеряннo и шокированно уточнял вслед за ней жрец, при этом, однако, сохраняя на лице покровительственно-ласковую улыбку. С такой улыбкой, услышав грязное ругательство от своего только что научившегося говорить дитяти, смотрит мать.

– Дядя, не мне тебе рассказывать, что все невесты нервничают на своей свадьбе, – послав седовласому усмешку «между-нами-мальчиками», каждый раз насмешливо изрекал красавец. – Так что просто повтори ещё раз то, что ты там только что говорил, – настолько скучающим тоном, что чуть ли не зевал, затем добавлял он.

В ответ на это «дядя» всегда в течение нескольких секунд понимающе кивал, неосознанно поглаживая при этом красный бархат сутаны на своей груди, затем улыбался каким-то своим только одному ему известным воспоминаниям и начинал меланхолично вещать:

– Эджения, берешь ли ты в свои мужья и господины Натаниэля, дабы...

– Что-что?! Кого-кого? Куда-куда беру? – обрывая на полуслове, снова и снова возмущенно переспрашивала Евгения, даже не пытаясь при этом сдержать гомерический смех: – В

свои господины?! Аха-ха-ха-ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Ха-ха! Разумеется, нет! – чётко и ясно проговаривала она, на всякий случай, чтобы быть уверенной, что все её поняли правильно. – Разумеется, нет! Никуда я его не беру!

– Ка-а-ак «нет»?! – тут же удивленно-растерянно восклицал жрец. Шокированный настолько, что, даже несмотря на свои незаурядные способности «держать лицо», отточенные и вытренированные десятилетиями лицемерия и притворства, у него не получилось удержать на своих губах ласково-покровительственную улыбку.

За годы служения Светлокрылому, он видел самых разных невест: и несчастных, и очумелых от счастья, и просто безразличных ко всему происходящему, но таких которые, заявив «нет», разразились бы безудержным смехом – не было ни одной.

– Ка-а-ак «нет»?! – эхом вторила жрецу многочисленная толпа.

Да, что там жрец или толпа, даже, так называемый, жених и тот после её заявления вдруг пробуждался от скуки и вполне искренне интересовывался происходящим. Настолько интересовывался, что впервые за всю церемонию снисходил до того, чтобы одарить свою невесту долгим и внимательным взглядом.

Невеста отвечала ему уничижительным взглядом и в следующую же секунду просыпалась...

Глава 3

Его Высочество Кинвет Золотокрылый нетерпеливо ходил взад-вперед по портретной галерее его предков, бросая скучающие взгляды на плотно запертые двойные двери Тронного зала, за которыми вот уже, как минимум, полчаса назад исчез старший церемониймейстер.

«Как же это похоже на отца, – мысленно посмеивался юный принц, – сначала приказать немедленно явиться, а затем заставить вызванного предстать пред ясны очи Великого короля, томиться в тревожном ожидании.

Но с ним этот дешевый фокус никогда не проходил, и сейчас тоже пройдет.

Более того, прошли даже те времена, когда он, бродя по этой галерее и корча рожицы предкам, ломал голову над тем, какой из своих многочисленных шалостей он вызвал интерес отца в этот раз. Впрочем, и тогда он не боялся, а лишь сгорал от любопытства.

Кинвет Золотокрылый был единственным сыном Великого короля и после смерти своего отца должен был стать во главе Совета королев-драконов и, соответственно, правителем всех драконьих земель. Этот статус наряду с целым сонмом минусов и ограничений, имел также и свои преимущества: например, чтобы юный принц не натворил – ему никто, кроме отца, не имел права даже и слова в укор сказать. Венценосному же отцу, как водится, было не до шалостей отпрыска, который то и шалил лишь для того, чтобы обратить на себя внимание вечно занятого государственными делами отца.

В этот раз Кинвет точно знал, какой именно из своих «шалостей» он привлёк к себе внимание Великого короля. Вот только, в этот раз он вовсе не пытался привлечь к себе внимание венценосного отца. Да и шалостью, по мнению юного принца, это не было.

Наследный принц Кинвет Золотокрылый в первый раз в жизни, по-настоящему, влюбился. И его любимая ответила ему взаимностью. Что сделало его самым счастливым драконом во Вселенной. И так как быть счастливым ему очень нравилось – Его Высочество решил сочетаться со своей любимой браком!

Воспоминание об Эджении, как и обычно, вызвало на лице Кинвета дурашливую блаженную улыбку. Хорошенькая девочка, поразившее воображение его восьмилетнего, выросла и вернулась в его жизнь, чтобы на сей раз уже сразить наповал.

Когда на балу глашатай возвестил её имя. Оно показалось Его Высочеству знакомым, однако весьма и весьма смутно. И уже одного этого было достаточно, чтобы тут же перестать думать и о том, где он слышал это имя, и о той, кто это имя носит. Но он почему-то не смог. Случайно услышанное им смутно знакомое имя завладело его вниманием настолько, что он не просто обернулся посмотреть, кто же там появится в дверях, а, в буквальном смысле, рванул навстречу таинственной леди Эджении Тенебрис Шелериспе из клана Чернокрылых.

Несмотря на то, что от хорошенькой маленькой девочки, когда-то поразившей воображение восьмилетнего мальчугана, остались только громадные черные глазища, он сразу узнал её.

На лице леди Эджении Тенебрис Шелериспе были удивление и восторг, каковой он не раз видел на лицах девиц, впервые попавших на королевский бал. Завидев который, к слову, он всегда сразу же спасался бегством.

Но почему-то не в этот раз.

Более того, и всё остальное тоже леди Эджения делала также, как и остальные девицы: смущалась, розовела, растерянно хлопала ресницами, теребила кружево, коим был украшен корсаж её белоснежного бального платья, и вздыхала...

Вздыхала так, что грудь её, весьма, к слову, достойная восхищения, так волновалась, так волновалась, что волнение это передавалось и Кинвету...

И он аж настолько разволновался, что вдруг взял и пригасил владелицу груди, поразившей его воображение, на танец.

Нарушив тем самым собственное же незыблемое правило: никогда не приглашать на танец дебютанток! Не то, чтобы Его Высочество имел что-то против дебютанток в целом или в частности, просто пригласи одну, придётся приглашать и другую. А потом и третью и четвёртую и так далее...

«Вслед за чем и оглянуться не успеешь, – рассуждал Кинвет, – он вместо того, чтобы обхаживать на балах иноземных послов и членов Совета, решая в неформальной обстановке важные государственные вопросы, будет занят лишь танцами».

Тем не менее, едва только он обнял тонкий стан этой дебютантки, как все вышеописанные табу и опасения перестали его волновать. Его волновали лишь обтянутая шёлком точенная спинка, изящные пальчики в его ладони и глаза-омуты, в которых он тонул.

Пленившая его воображение грудь тоже, разумеется, волновала. И ещё как! Аж настолько, что он запретил себе на неё смотреть. От греха подальше. Вслед за чем, по этой же причине, он запретил себе смотреть ещё и на пухленькие губки тоже.

В общем, другого выбора, кроме как тонуть в черных глазах омуты у него не было.

– Мне кажется или на нас и, правда, все смотрят? – спросила прелестница, бросив на него робкий взгляд из-под опущенных густых ресниц. Голос у неё оказался глазам под стать – мелодичным и завораживающим.

Чтобы хоть как-то избавиться от наваждения, он отвёл от неё глаза, обвёл взглядом зал и, прежде чем понял, что говорит, уже честно признавался красавице, что она первая дебютантка, которую он пригласил на танец.

Эджения вполне ожидаемо ему не поверила.

И он, дабы её не смущать, попытался перевести всё в шутку, вот только вопрос о том, верит ли она в любовь с первого взгляда прозвучал неожиданно серьёзно.

Но Эджения снова ему не поверила.

И это его задело. Неожиданно сильно задело. И он, хотя и не собирался изначально этого делать, сообщил ей о том, что помнит о той их единственной встрече, случившейся двенадцать лет назад.

И правильно сделал. Потому что, когда она это услышала, её глаза сказали ему всё...

Она тоже его помнила. Что само по себе не было удивительным. Он, как никак, единственный и неповторимый наследный принц.

Однако восторг и радость, которые засветились в глазах Эджения не имели ничего общего с самодовольством.

Девушка лучилась чистым и непритворно-абсолютным счастьем.

И именно в этот момент он понял, что влюбился. И уже буквально через полчаса в зимнем саду признался в своей любви Эджении. И дабы убедить её в серьёзности своих намерений сразу же сделал предложение.

Ну а чего виверну за хвост тянуть, если он для себя уже всё решил?

И всё бы было хорошо, если бы его любимая была дочерью одного из драконов-королей, но она не была...

И посему, узнав о его выборе, батюшка осерчали и жениться запретили.

Чем лишь ещё больше раззадорили Его Высочество, просто потому что уж так он был воспитан! Не привык Его Высочество, чтобы ему что-то запрещали.

Вот так вот, батюшка. Сами виноваты. Что посеяли и взрастили, тем и давитесь теперь.

Другими словами, юный принц плевать хотел и на запреты, и на угрозы, и на уговоры. Более того, он ещё и пригрозил: «если, хоть волос упадёт с головы моей любимой, – предупредил он отца, – я никогда тебе этого не прощу! Костями лягу, но отомщу!»

И отец отступил.

По крайней мере, Кинвет так думал. И потому к тому, что его заставляют ждать под дверью – относился снисходительно-философски.

Если от подобного проявления королевской власти отцу становится легче, насмешливо думал юный принц, то разве могу я, будучи любящим сыном, лишать его удовольствия?!

Между тем за закрытыми дверями в залитом светом полутысячи магических светильников зале его отец, Великий король объединенных драконьих земель Кинварх Золотокрылый, практически то же самое думал о своем сыне.

«Нравится мальчишке думать, что он не оставил мне другого выбора, кроме как смириться с тем, что у меня нет на него рычагов давления. Что ж, не буду мешать ему заблуждаться. Тем более, что в данный момент это не в моих интересах, – самодовольно усмехаясь, размышлял Великий король, наблюдая за тем, как получивший от него разрешение обер-камергер распахивает двери тронного зала перед его сыном.

Перешагнув порог огромного зала, Кинвет пробежался беглым взглядом по присутствующим в нём и окончательно расслабился.

В присутствии высших чинов Приказов военных, иностранных и счетных дел, батюшка уж точно не станет его воспитывать. Как вовремя, всё-таки случилось покушение на него, и как удачно, что отца спасла эта горячая штучка, как её, ах да, Биргитта Рингер. Хотя нет, теперь уже не просто Биргитта Рингер, а леди Биргитта Станфорд Рингер.

Потому как не могла же батюшку спасти какая-то там простолюдинка! Разумеется, нет! Простолюдинка? Что вы-что вы! Она бы просто не посмела!

Ибо спасать Его Величество Великого короля Кинварха – это вам ни хухры-мухры, а, такая же великая, как и сам король, привилегия! Которой достойны исключительно те, в чьих жилах течет благородная кровь.

Усмехнувшись своим мыслям Кинвет нашёл взглядом отца.

Точнее не нашёл, а просто перевёл взгляд на отца. Поскольку не заметить сразу того, кто восседает на освещаемом со всех сторон магическими светильниками и к тому же возведенном на высоком постаменте троне монументальных размеров, было очень и очень сложно.

Словно почувствовав взгляд сына (хотя почему словно?) Великий король тут же приветствовал его кивком. И столько в этом кивке было величественности и снисхождения, что Кинвет, хотя и клялся себе, что никогда больше этого не допустит, снова, как и обычно, почувствовал робость.

В оправдание Его Высочества, перед Великим королём Кинвархом Золотокрылым робели очень и очень и многие, если не все... Потому как было перед чем робеть.

Львиная грива нетронутых сединой золотых волос Великого драконьего короля была столь роскошна, что пред ней меркло даже высокопробное золото его королевского венца.

Красивое, высеченное словно бы из гранита лицо ничуть не портили шрамы, один из которых рассекал правую бровь, а второй – левую щеку, подбородок и шею. Скорее, даже наоборот, оба шрама словно бы по заказу были расположены в таких местах, чтобы подчеркивать мужественность и отвагу Его драконьего Величества. Об этом же сообщали и увенчивающие выразительный, мускулистый торс широкие плечи и сильные, мозолистые руки.

И всё же, любой, кто принял бы этого дракона за того, кто поклоняется только силе мышц и оружия, очень бы ошибся.

Кинварх из рода Золотокрылых был одним из самых хитрых, умных, изворотливых и гибких лидеров, какие когда-либо возглавляли Совет королев-драконов.

И стоящий рядом с ним высокий и широкоплечий красавец герцог Адамант Вестгейрский, являвшийся его правой рукой и Главой коллегии тайных дел – был ему под стать. Что было неудивительно, поскольку этот Светлейший герцог был не только лучшим другом Великого короля, но и его незаконнорождённым, единокровным братом.

Рожденный любимой фавориткой короля, он, вопреки воле королевы, с младенчества воспитывался и обучался вместе со своим братом, законным наследником престола. По этой причине, рожденный старшим и получивший самое лучшее из возможных образование и вос-

питание, этот весь из себя величавый и блестящий золотокрылый красавец дракон обладал всеми качествам, знаниями и характеристиками истинного короля драконов, кроме самого существенного – законного права взойти на престол. Которое, впрочем, Адаманту Вестгейрскому было совершенно ни к чему, поскольку его вполне устраивало быть правой рукой его любимого брата. По крайней мере, именно так он утверждал. И его младший брат ему верил.

А вот Кинвет – нет. Не верил ни на йоту с самого раннего детства, хотя и не мог объяснить почему. Нет, Светлейший герцог никогда не обидел своего племянника ни делом, ни словом, ни даже взглядом. И всё же Кинвет всегда ему не доверял. Слишком уж дядя казался ему приторно-сладким и ненатуралистично белым и пушистым.

Возможно, конечно, дело было в том, что Адаманта явно недолюбливал дракон, которым юный принц с детства искренне восхищался. Не то, чтобы ставший благодаря количеству одержанных им побед ещё при жизни легендой, Глава военной коллегии родиевокрылый дракон Эилеифр когда-либо прямо сказал или дал понять, что он на дух не переносит Светлейшего герцога Вестгейрского... Просто Эилеифр, как самый великий из воинов, был наставником Кинвета, благодаря чему он и принц проводили вместе очень много времени, за которое не только наставник изучил своего подопечного, как облупленного, но и подопечный – наставника.

– Кинвет, ты уже слышал о налете гарпий на наши южные границы? – обратился Его Величество к сыну, который как раз достаточно приблизился к трону, чтобы с ним можно было разговаривать, не повышая при этом голос.

Юный принц выпрямился. Это могло стать его шансом проявить себя в бою! Шансом, который он так долго ждал.

– Отец, я упорно и много тренировался, и генерал говорит, что я уже готов применить свои знания и умения в бою! Правда, генерал? – перевёл он умоляющий о поддержке взгляд на наставника.

– Правда, – с улыбкой кивнул Эилеифр.

Вслед за ним улыбнулся и поглаживающий рыжую бороду Кинварх.

– Скажу тебе по секрету, сынок, что при мне он был более словоохотлив. Он мне сказал... – подмигнув генералу, заговорщицки проговорил Великий король, – что он ВПЕЧАТЛЕН твоими успехами!

Он продолжал поглаживать бороду, делая вид, что размышляет.

– Что скажешь, Эилеифр, пришло ли уже время нашему мальчику ощутить какова на вкус настоящая битва? – наконец, поинтересовался он.

– С точки зрения навыков, умений и физической подготовки, Его Высочество готов настолько, насколько вообще может быть готов ни разу не побывавший в настоящем бою воин, – ответил наставник.

Чем вызвал разочарованный вздох подопечного, поскольку это было не то, что Кинвету хотелось бы, чтобы он ответил.

– Оте-эээц! – не сумев сдержаться, почти умоляюще протянул принц. – Я готов! Я гарантирую тебе, что я готов!

– Ну если гаранти-ируешь, – насмешливо проговорил Кинварх. – Что ж, ладно! Будь по-твоему! Собирайся в дорогу!

Кинвет с трудом сумел сдержать крик восторга.

– Благодарю вас, Ваше Величество! – насколько смог, сдержанно провозгласил он. – Вы будете гордиться мною!

Великий король покровительственно улыбнулся и заверил:

– Это наименьшая из моих тревог, сын мой, – одновременно загадочно и несколько виновато усмехнувшись, проговорил он. Затем испугавшись, что он мог себя выдать, проникновенным голосом добавил: – Только очень прошу тебя, сын, будь осторожен!

- Буду! – восторженно заверил счастливый и гордый принц.
- Он будет осторожен. Уж я об этом позабочусь, – спокойно заверил генерал.
- Что ж, тогда я спокоен, – кивнул Великой король.

Глава 4

Проследив глазами за тем, как за его сыном и генералом закрылись двери тронного зала, Великий король самодовольно усмехнулся, за что тут же был покаран. И покарали его, при попытке сменить позу, его же собственные части тела. Ему бы расценить это как дурной знак, но Его Величество был несуетлив и потому просто вспомнил очень злым тихим словом свою спасительницу, которая мало того, что, завалив его на грязный пол и повалявшись на нём, лишила его королевского достоинства, так ещё и при этом ударом колена прямёхонько в его мужское достоинство чуть не лишила и оно же тоже.

– Что б ей... умм... – сцепив зубы, беззвучно взвыл драконий король, поскольку гордость не позволила ему признаться лекарям, что при спасении пострадали не только королевские головушка и спинушка, но и нечто ещё более бесценное. Причём пострадало так, что при ударе даже его внутренний зверь чуть сознания не лишился.

Как он не прикончил в ту же секунду свою спасительницу, Кинварх до сих пор не понимал.

Нет, сейчас Великий король был собой очень даже горд. Ого-го-го какая у него оказывается выдержка! Но тогда...

Особенно после того, как она не только отказалась с него слезть, но и, устраиваясь на нём поудобнее, ещё раз приложила коленкой по бесценному больному месту...

Вот за что памятники нужно ставить при жизни! А не за какие-то там ратные подвиги. Подвиги – это легко. А вот стерпеть, не подав виду настолько адскую боль, вот это, Кинварх, был уверен, не каждому герою по силам!

И тем обидней, что об этом его подвиге никто, кроме одного-единственного дракона, который никогда и никому не проболтается, не знает.

Заметив, как при попытке положить ногу на ногу по лицу Великого короля проскользнула гримаса боли, этот один-единственный дракон заметил:

– Может всё же обратишься к лекарю? А то мало ли?

И вот вроде и голос, и тон участливый, и выражение лица сочувственное, а в глазах, Кинварх готов был поклясться в этом, всё равно смешинки.

– Может и обращусь, – буркнул Великий король, добавив при этом про себя: «Ага, сейчас, разбежался!»

Заметив, что до сих пор выступавший с докладом глава Приказа Иностранных Дел замолчал и теперь смотрит на него вопросительно, не слышавший из доклада ни слова Кинварх тайком посмотрел на своего друга и советника.

Тот еле заметно кивнул.

– Хорошо, – вслед за ним кивнул и король. – Мы сделаем так, как вы предлагаете.

– Благодарю, Ваше Величество, – склонившись в лёгком поклоне, проговорил глава Приказа Иностранных Дел. – Я могу быть свободен? Или я вам всё ещё нужен?

– Разумеется, вы мне всё ещё нужны, Октавиан, – с озорной улыбкой заверил король и разрешил: – но сейчас можете быть свободны. – И все остальные, кроме министра образования, тоже можете быть свободны, – окинув взглядом зал, проговорил он, махнув при этом рукой.

Получившие разрешение покинуть зал высшие чины Приказов тут же радостно раскланялись и чинно направились к двери.

– Ты всё-таки решил это сделать? – с явным неодобрением в голосе скорее констатировал факт, чем уточнил Адамант.

Кинварх приподнял бровь.

– А почему нет? Биргитта – опытный, высокоодаренный и высокотренированный боевой маг – это раз! Она оказалась быстрее и, что намного важнее, живее целого элитного взвода

придворных боевых магов – это два! И что самое важное, благодаря ей, намного живее целого элитного взвода придворных боевых магов – оказался и я! Не знаю, как для кого, а для меня трёх этих причин более чем достаточно, чтобы признать, что женщины – не только не уступают магам мужчинам, но и порой превосходят их и по боевым качествам, и по физическим характеристикам!

– Всё это так, – с трудом сдерживая раздражение, согласился Адамант. – Если бы не одна маленькая деталь. Она так и не сумела вразумительно объяснить, что она делала, прячась, на вашем балконе! – торжествующе объявил он.

– Насколько я помню, я объяснила, – ответил ему вдруг спокойный женский голос.

Не ожидавший появления предмета его спора с королем, Советник вздрогнул и резко повернулся на голос.

– Герцог Вестгейерский, прошу прощения, забыл вас предупредить, что я пригласил присоединиться к нашей беседе также и леди Биргитту Станфорд Рингер, – извинился Великий король, выражение лица которого, однако, говорило, что ничего он не забыл.

– Ах, ну да, конечно-конечно, как я мог забыть, – насмешливо проговорил уже совладавший с удивлением Советник. – Вы ведь у нас великая провидица!

– Не великая. И я не назвала бы себя провидицей, но я – действительно порой вижу то... что не видят другие, – и снова Биргитта ответила совершенно спокойным голосом, в котором не было ни тени вызова или обиды, как не было в нём и тени смущения. Она давно приучила себя говорить о своих необычных способностях как о само собой разумеющемся факте.

– И снова не спорю, – развёл руками Глава коллегии тайных дел. – Более того, охотно верю, что это действительно так. В конце концов, не вы первая, не вы, надеюсь, последняя ясновидящая, которую я встречал на своём пути, – притворно благодушно проговорил он. – И именно поэтому я знаю, что ни один из ясновидящих не способен предугадать чёткую последовательность событий! – жёстко добавил он. – Да, они видят то, что недоступно другим. Но они никогда не знают, будущее это, настоящее или прошлое! И тут вдруг вы вся такая уникальная! Если вы вдруг не поняли, милейшая леди, то ключевое слово в моей последней фразе, было не «уникальная», а «вдруг»! Уж простите меня, возможно, конечно, это профессиональное, но я не верю в подобные СУДЬБОНОСНЫЕ совпадения! – убежденно объявил он и, переведя взгляд на короля, безапелляционно уведомил: – Ты совершаешь ошибку Кинварх! Она знала о готовящемся покушении! А значит, она имеет к нему отношение. Не знаю пока какое, знаю только, что точно имеет и что я это обязательно выясню!

– Именно поэтому, мой дорогой брат, я, зная о том какой ты у нас подозрительный, – поспешил с явным предвкушением в голосе вставить король, – я и попросил нашего добрейшего министра образования остаться.

Почувствовав себя неловко под явно торжествующим взглядом монарха и столь же явно подозрительным взглядом Главы тайного приказа, добрейший министр откашлялся.

– Августин, будьте добры, расскажите моему брату то, что намеренно рассказали мне.

Очень старый и столь же мудрый дракон снова откашлялся. Он не был из робкого десятка. И министром образования был не по должности, а по призванию. И род его был один из самых знатных и богатых. И всё же даже он чувствовал себя неловко под взирающим на него, как на врага, взглядом Главы тайного приказа. Однако ради процветания науки и образования этот дряхлый дракон готов был выступить против сотни вот таких вот злобных и мстительных Глав тайного приказа.

– Это не первый случай, когда Биргитта смогла предотвратить трагедию, – вдоволь накашлявшись, наконец, сообщил он.

– И не второй, – зная своего брата, поспешил вставить Кинварх.

– И почему я не знал об этих случаях? – на сей раз без всякого скепсиса в голосе, а скорее даже с претензией в голосе поинтересовался Глава тайного приказа.

– Потому что, как ты сам заметил, дар Биргитты – уникален, – в очередной раз поспешил вставить весьма и весьма довольный собой Великий король. – А посему, прежде чем о нём объявлять, необходимо было собрать достаточную доказательную базу.

– Из чего я делаю вывод, что предсказания нашей уникальной предсказательницы не всегда точны? – подчеркнуто-иронично выделив определение «уникальной» скорее констатировал, чем уточнил Адамант. Тон его при этом был таким, каким обычно резюмируют: «Именно так я почему-то и думал».

– Да, бывает, что я ошибаюсь, – спокойно подтвердила его оппонентка.

Услышав это признание, глава тайного приказа самодовольно посмотрел на короля, широко разведя при этом руками. Его жест и выражение лица говорили: «Что и требовалось доказать!»

– Однако случается это нечасто, – вступился за свою подопечную старый министр. – Насколько мне известно, с тех пор как мы начали отслеживать успехи Биргитты, она ошиблась всего дважды. В остальных же пяти случаях – она смогла правильно определить к какому промежутку времени: будущему, прошлому или настоящему – относится её видение. Что же касается самих видений, то они во всех семи случаях были точны.

Адамант понимал, что в случае со столь громким и дерзким нападением на короля и его свиту, Биргитте при её уровне ясновидческого дара достаточно было всего лишь воспользоваться методом исключения, дабы понять, что посетившее её видение не может относиться ни к какому другому времени, кроме как к будущему.

Вот только он был не из тех, кто легко признавал поражение. К тому же, скептический настрой и язвительный тон позволяли ему скрыть охватившие его с трудом сдерживаемые раздражение, озабоченность и даже страх...

Только ясновидящей ему возле короля не хватало! Тем более, такой сильной. Которой он, ко всему прочему, не только доверяет, но и явно благоволит!

Недовольно нахмурившись и подозрительно сузив глаза, он с явным намёком в голосе на то, что не верит ни единому её слову, ехидно поинтересовался:

– И где же и для каких целей вы раздобыли личную вещь короля, чтобы сделать своё судьбоносное предсказание?

Глава 5

Биргитта глубоко и судорожно вдохнула, закусив при этом нижнюю губу, тем самым, в первый раз за всё время разговора выказав своё волнение. И Адамант сразу понял, что только что нащупал больное место у этого, как выразился его брат, опытного, высокоодаренного и высокотренированного боевого мага.

– Мои видения приходят не так как к другим ясновидящим... Я имею в виду, что мне не нужно сосредотачиваться или настраиваться для того, чтобы на меня снизошло видение. Мне достаточно только дотронуться до... чего-нибудь или кого-нибудь и видение само приходит, хочу я этого или нет.

– Другими словами, вы не контролируете свои видения? От слова совсем? – хищно усмехнувшись, в очередной раз не уточнил, а скорее констатировал он.

– Нет, не контролирую, – подтвердила Биргитта.

– Хуже того, вы не контролируете также и себя во время видений! – продолжил герцог Вестгейерский свою мысль, на сей раз уже особо ни к кому не обращаясь, а словно бы, рассуждая вслух. – Замечательно! Просто замечательно! Не контролирующий свои силы и психическое состояние боевой маг! Который при этом, как вы охарактеризовали свою спасительницу Ваше Величество, кажется, опытным, высокоодаренным и высокотренированным боевым магом, если я не ошибаюсь? – одновременно язвительно и торжествующе спросил он.

– Нет, ты не ошибаешься, ты всего лишь забываешься, – спокойно парировал Его Величество, чем мгновенно согнал с лица зарвавшегося бастарда самодовольную ухмылку. – Ты забываешь, что твой король, несмотря на то что он твой младший брат, далеко не дурак. Неужели ты думаешь, что прежде, чем поддержать идею леди Биргитты о создании на базе мужской боевой академии экспериментальную женскую группу боевых драконесс и предложить ей место декана боевого факультета, я не узнал о ней всё, что только можно было узнать? Включая то, почему боевой маг, которая к тому же ещё и драконесса, с безукоризненным послужным списком, обладающая беспрецедентными скоростью и реакцией была переведена из боевого подразделения к пифиям?

Мысленно согласившись с братом, что его несколько занесло, Адамант изобразил смущение.

– Прошу прощения, Ваше Величество! Моя врожденная подозрительность и желание защитить вас, взяли надо мной верх, – покаянным тоном изрёк он. Не забыв при этом виновато вздохнуть. Вслед за чем, перевёл взгляд на виновницу нагоняя от короля, и вкрадчиво поинтересовался: – И почему, если не секрет, вы были переведены из боевого подразделения к пифиям? Поймали видение в разгар боя и подвели товарищей?

– Нет, ничего такого, даже близко, – спокойно ответила девушка. Хотя в душе её полыхал огонь негодования.

Он ведь прекрасно знает, что, подведи она в бою товарищей, её не к пифиям бы перевели, а уволили бы с позором, повесив при этом на неё всех возможных собак.

Это мужчину поняли бы и простили, а её – женщину, посмевавшую сунуться в боевые маги, не просто с удовольствием бы позорно уволили, но воспользовались бы столь удобным случаем, чтобы закрыть дорогу в королевскую гвардию и всем другим женщинам тоже.

Биргитта нервно сжала за спиной кулаки.

Воспоминания о том, через что ей пришлось пройти, чтобы стать первой женщиной – офицером в королевской гвардии, до сих пор вызывали в ней обиду и злость.

Вечно недовольный лейтенант, даже не пытающийся скрыть своё негативное отношение к тому, что ему навязали женщину. Женщинам место дома или же, на худой конец, в гувер-

нантках, швеех, поварихах, экономках и так далее и тому подобное... а не в боевых магах, тем более, в боевых магах королевской гвардии!

Боевые товарищи, у которых её успехи вызывали злость и раздражение, а неудачи – бурную радость. Пошлые шуточки и намёки. Злые розыгрыши. Дедовщина.

Она была во всём лучшей в подразделении. И всё равно ей приходилось отстаивать свою честь и доказывать, что она на своём месте чуть ли не ежечасно.

К счастью, в гвардии не все офицеры – были шовинистами. И потому ей улыбнулась удача. Она стала адъютантом самого генерала Эилеифра. Биргитта была на десятом небе от счастья. Ей очень нравилась её работа. И она просто боготворила своего начальника.

Вот только счастье длилось не долго. В одном из походов отряд, который сопровождал, генерала, попал в засаду. Противник значительно превосходил их количеством. А посему, кидая направо и налево заклинания и ставя щиты, она думала не о своём магическом резерве, а о том, как бы подороже продать свою жизнь, если уж ей суждено умереть.

И видно-таки загнула такую цену, что враги, как не скребли по сусекам, однако достаточную сумму так наскрести и не смогли.

Почти неподъёмной цена за её жизнь оказалась и для неё. Но она всё-таки выжила.

И даже, как вскоре выяснилось, выгорела не дотла. Правда, будь она человеком, магия к ней бы уже не вернулась, но Биргитта была драконницей. И потому, хотя и очень медленно, но магический резерв восстанавливался.

И всё же совсем бесследно практически полное магическое истощение для неё не прошло. Дар ясновидения у Биргитты был всегда. Совсем слабенький, зато легко контролируемый.

И так как ясновидение – вещь в хозяйстве полезная, то нет ничего удивительного в том, что Биргитта всю жизнь работала над его развитием. Более того, получив должность адъютанта при генерале – у неё не осталось больше никаких желаний, кроме как усилить свой дар ясновидения.

И домечталась...

После выгорания её дар ясновидения стал очень сильным, но вот что касается контроля над видениями... то его не было вообще. Теперь видения приходили к ней, когда им хотелось и где им взбрелось. Биргиттино же мнение их не интересовало от слова «совсем». Ей отводилась роль пассивного, застывшего во в пространстве и времени, наблюдателя.

Вот уж воистину: Бойтесь своих желаний! Ибо они могут сбыться!

– А что же, в таком случае, было? – не удовольствовался неточным ответом Советник короля.

Кинварх не сомневался, что та, карьера которой уже висела на волоске и которая, тем не менее, не побоялась послушаться приказа и тайком пробраться во дворец, не говоря уже о том, что она не секунды не раздумывая, доверяя только собственной интуиции, прыгнула на него, окруженного вооруженной до зубов охранной, более чем способна за себя постоять. Однако он не сомневался также и в том, что природная скромность, субординация и такт не позволят его спасительнице отшить его братца так, как он того заслуживает. И потому вмешался в очередной раз.

– Сначала был бой в кундиурском ледяном гроте со стаей обсидиановых горгулий. Да, мой милый братец тот самый бой, – кивая головой, уточнил король, – в котором мы чуть не потеряли нашего славного генерала Эилеифра. И, к слову, по словам самого генерала, мы не потеряли его во многом благодаря леди Биргитте, – многозначительно проговорил он, поклонившись своей спасительнице.

Не подозревавшая, что генерал о ней столько высокого мнения удивленно воззрилась на короля.

Что же касается Адаманта, то он, наоборот, был ничуть не удивлен, что генерал подобное заявил. Старый хрыч никогда его не любил и всегда и во всём ставил ему палки в колеса. И

тут такая возможность пропихнуть своего человека не просто в доверенные лица короля, а сразу в его постель! Ещё бы! Разумеется, мерзкий солдафон заливался соловьем, расписывая какое сокровище его замечательная Биргитта. А братец и рад уши развесить! Ещё бы он был не рад! Только слепой не заметил бы, какими глазами он смотрит на эту воблу сушенную! И что он в ней нашёл?! Кожа да кости! И к тому же блаженная... Опасно блаженная, причём... И прежде всего, для него. Ибо кто знает, что эта демонова провидица может увидеть... Плохо, что он не знает.

– Затем было почти полное магическое выгорание, – между тем продолжал рассказывать король. – В связи с которым, на восстановление магического резерва ушло что-то около полу-года, в течение которого леди Биргитта пыталась взять под контроль свой ясновидческий дар, но ей это так и не удалось. Поэтому она была комиссована из боевого подразделения и переведена в подразделение пифий. Жаль тебя разочаровывать, братец, но как видишь, у нашего будущего декана боевого драконьего факультета в шкафу нет порочащих её честное имя скелетов.

Хотя светлейший герцог Вестгейерский очень, ну просто очень не любил проигрывать, отступать он, тем не менее, умел не просто изящно, а просто-напросто куртуазно.

– Разочаровывать? – Советник искусно изобразил искреннее изумление. – Если это был намёк на то, что вы, Ваше Величество, считаете меня сексистом, то разрешите вам напомнить, что это не я, а вы всего три назад утверждали, что...

– Не разрешаю! – поспешил оборвать его король. Вслед за чем, поинтересовался: – У тебя всё или есть ещё какие-то возражения?

– Возражений нет, – отрицательно замотал головой Адамант. – Да их и не было особо... Просто столь резко и круто менять своё мнение – очень непохоже на тебя, вот я и обеспокоился. Но теперь я спокоен. Вернее, почти спокоен, – поднял он вверх палец. – Могу я задать леди Биргитте ещё один вопрос?

Кинварх закатил глаза и покачал головой.

– Разумеется!

– Леди Биргитта, могу я узнать, почему вы не пошли со своим предвидением к Пифии-настоятельнице?

– Не можете, – с лёгкой насмешкой ответила девушка, не сумев устоять перед искушением увидеть, как вытянется лицо злобного Советника. – Потому что я пошла со своим предвидением к Пифии-настоятельнице. Однако она решила, что охрана короля и без меня прекрасно разберется, как им лучше его охранять. И потому передала охране Его Величества лишь то, что на него гарантированно будет совершенно нападение. Но я-то знала, что видела. И потому решила действовать на свой страх и риск.

– И что именно вы видели? – уточнил Советник.

Девушка слегка передернула плечами и вздохнула.

– Сначала я увидела, как я заканчиваю кастовать заклинание «Бесконечного ужаса» и отправляю его в короля. А затем, я увидела, как кто-то выпрыгнул из ниши, в которой я пряталась, и спас Короля.

– Понимаю, – кивнул светлейший герцог. Хотя его озадаченный, даже несколько растерянный вид говорил, что он всё ещё не особо понимает.

Вот только он играл. На самом деле он не только не понимал, он был уверен, что девица далеко не так проста, как пытается казаться. Что-то с ней было не так. Что-то во всей этой ситуации было не так. Слишком уж, слишком уж всё это, казалось ему подозрительным. Но Кинварх девице верит. И потому, ему придется прикинуться, что и он тоже ей доверяет, просто не совсем понимает.

– Но видения, они же не приходят просто так, – нарочито растерянно проговорил он. – Я не понимаю, почему вы вообще его увидели?

Биргитта не смогла сдержать лёгкий вздох досады: «Опять двадцать пять!»

– Нет, видения не приходят просто так, – несмотря на раздражение, ровным голосом подтвердила она. – Накануне благодарственного дня я сопровождала Пифию-настоятельницу в один из бедняцких районов...

– Надо же, она ещё и благотворительностью занимается! Какая молодец! – не упустил случая, чтобы сыронизировать Советник.

Министр образования и Великий король при этих его словах, не сговариваясь закатили глаза и неодобрительно покосились на зубоскала.

Жертва пристрастного допроса, однако, была спокойна как поверхность пруда в безветренную погоду, посему и первый и второй в этот раз решили не вмешиваться.

– Когда мы проходила мимо постоянного двора «Медвежий угол» меня зацепил плечом спешивший куда-то по своим делам мужчина, – ровным голосом продолжала Биргитта, не обращая внимания даже не просто на насмешку, а на явную провокацию. – И как только наши плечи соприкоснулись, я в буквальном смысле провалилась в видение.

– И увидела себя героически спасающей Короля? – язвительно подсказал Адамант, сделав вид, что запомнил о том, что уже получил ответ на этот вопрос.

Министр образования и Великий король снова, не сговариваясь закатили глаза. И, опять же не сговариваясь, оба промолчали.

– Нет, – спокойно парировала Биргитта. – Я увидела, как кастую мощное смертельное заклинание и отправляю его в короля. Точнее, не увидела, а откуда-то знала, что я заканчиваю кастовать именно заклинание «Бесконечного ужаса» и что мощи его хватит на то, чтобы у всех, кто был на балконе, перестали биться сердца. А вот то, что буквально за мгновение до того, как заклинание достигло своей цели кто-то, укутанный в отражающий щит, выпрыгнул из ниши, и, сбив короля с ног, вывел его из-под удара, я уже увидела. И да, всё это, почти слово в слово, я сообщила Пифии-настоятельнице, – добавила она ровно тем же тоном, как если бы говорила об этом впервые. – Но она...

Заметив, что его брат, отнюдь, не двусмысленно сжал челюсти и что на скулах его заходили ещё более однозначные желваки, светлейший герцог решил не испытывать более его терпение и предпринял тактическое отступление.

– Но она сообщила только о готовящемся нападении и поэтому вы решили перестраховаться, – часто закивал он головой. – Да-да, помню-помню, вы уже об этом говорили. Неужели вы совсем-совсем не запомнили, как выглядел этот мужчина? Ни его лица, ни роста, ни телосложения?

– Я этого не говорила, – спокойно возразила Биргитта.

Её слова так потрясли Адаманта, что ехидная, иррадиирующая самодовольством, усмешка с его лица сползла сама собой.

– Вы видели его лицо? – уточнил он надломившимся вдруг голосом. По крайней мере, самому герцогу именно таким показался его голос. Однако, искоса глянув на брата, он успокоился, судя по скупающему выражению лицу, тот ничего не заметил.

– Нет, лица я не видела.

Услышав это, светлейший герцог облегченно выдохнул.

«Фу-уух, пронесло!»

– Но я точно знаю, что он выше меня на голову, что он очень худой и я неуверенна, но мне, кажется, что, если я снова услышу его голос, я его узнаю.

– Снова? – на сей раз голос Адаманта снова звучал ехидно. – Вы успели перекинуться с ним словечком перед тем, как провалиться в видение? – я явным скепсисом в голосе сыронизировал он.

– Нет, – покачала головой Биргитта. – Просто он извинился, – не удержавшись на сей раз от лёгкой торжествующей улыбки, объяснила она.

– Извинился, значит, – задумчиво переспросил светлейший герцог. – Что ж, голос – это уже что-то.

– Да, – согласился с ним монарх. – Голос – это уже что-то.

Вот только при этом братья имели в виду совершенно разные вещи.

Глава 6

Умиротворенная приятными воспоминаниями о любимом и унесенная мечтами в их с Кинветом счастливое совместное будущее, Эджения не заметила, как уснула.

Она не помнила, что ей снилось. Но это определенно было что-то хорошее, потому что проснулась она с улыбкой на губах и с предчувствием чуда.

– Всё же не зря говорят, что утро вечера мудренее, – сказала она сама себе, блаженно потянувшись в постели.

И в этот момент, словно бы она стояла под дверью и только и ждала, когда Эджения проснётся, в слегка приоткрытой двери показалось лицо её служанки.

– Ох, как хорошо, леди Эджения, что вы уже проснулись!

– Почему? – слегка нахмурилась девушка и тут же всполошилась: – Неужели Кинвет уже приехал!

– Не знаю кто, но кто-то точно уже приехал, причём давненько так уже. Он в кабинете лорда Фартелиуса вас дожидается...

– Айна, сколько раз тебе повторять: Фартелиус не лорд, он просто очень богат, – поправила служанку Эджения. Вот только сделала она это не наставительно, как обычно, а неожиданно раздраженно и презрительно. Чем сама же себя и удивила...

Нет, отчим не возглавлял список приятных ей людей. Точнее, его имени в принципе не было в этом списке. Однако и презрения она к нему никогда не чувствовала. Поскольку считала, что он, женившись на титуле и пропуске в высший свет, был ничем не лучше её матушки, которая вышла замуж за деньги.

Другими словами, если уж презирать отчима, то тогда и мать. Да и себя тоже, если на то пошло. Потому как все её новые, прекрасные платья и драгоценности были куплены за его деньги. И именно благодаря его деньгам она получила возможность посетить королевский бал и встретиться на нём с Кинветом.

Эджения понимала это и даже говорила себе, что должна быть благодарна отчиму. Правда говорила она это себе не в серьёз, а с иронией. Потому что она прекрасно знала, что, отправляя её на бал, отчим заботился не о ней, а о своих интересах. Ибо на королевской бал дебютанток её отправили, чтобы просто-напросто выставить на аукцион. И если бы не Кинвет, то её бы отдали в жену тому, кто предложил бы за неё отчиму лучшую цену.

– Кинвет здесь уже давненько? – подскочив с постели, воскликнула девушка. – Так что же ты, глупая, сразу, как только он прибыл, меня не разбудила?!

– Так потому что мне велели вас разбудить не сразу, а только что! – одновременно испуганно и обиженно захлопав глазами, принялась объяснять Айна. – Вот как наказали так я и сразу! А до этого ж откуда мне было знать, что вас прям немедля разбудить надобно?! – недоуменно спросила девушка. После чего, понизив тон, ещё и ворчливо пробурчала себе под нос: – Так что ничего я не глупая...

– Прости, Айна. Конечно же, ты не глупая. Это я спросонья не разобралась, – повинулась Эджения. – Прощаешь?

– Да чего уж там, – тут же смягчилась девушка. – Сами знаете, я отходчивая. Да и знаю я, что вы не со зла. Такую хозяйку, как вы ещё поискать нужно. Мне кухарки наши так и говорят, что я вам не прислуживаю, а сыром в масле катаюсь. Так что и вы меня и простите. Хотя, вы сами виноваты, избаловали вы меня... – с нарочито тяжким вздохом закончила она свою мысль. И в следующее же мгновение всплеснув руками, воскликнула: – Ох, что же это я?! Вас же ждут! А я вместо того, чтобы вас причесывать, стою тут наговариваюсь. Ну я сейчас быстро, садитесь, – взяв в руки расческу, кивнула она на мягкий стульчик.

Благодарно улыбнувшись, Эджения села напротив зеркала.

– А платье готово? – чисто для проформы поинтересовалась она, поскольку знала, что иначе и быть не может.

– Конечно, готово, – ожидаемо заверили её. – Как вы и просили: приготовила вам ваше любимое – голубенькое с рукавами фонариками и ленточками на груди.

Прежде чем постучать в закрытую дверь принадлежащего отчиму кабинета, в попытке унять бешеное сердцебиение, Эджения глубоко вдохнула и выдохнула. Один раз. Затем ещё раз. И ещё.

– Да, что это со мной?! – приложив к пылающим щекам ледяные ладони, спросила у себя девушка. – Откуда этот страх? Кинвет любит меня! И он не из тех, кто способен предать! – сказала она себе и решительно подняла руку со сжатым кулачком. Однако вместо того, чтобы постучать в дверь... снова опустила руку вниз.

Неизвестно сколько бы она так стояла, если бы буквально через несколько секунд из-за поворота не вынырнул бы лакей, несущий в руках поднос, груженный пирожными, чашками и чайничком.

Посему деваться Эджения было некуда, осторожно постучав в дверь и услышав разрешение войти, она распахнула дверь и, пропустив лакея вперед себя, вошла вслед за ним.

Как только девушка увидела, кто в гостях у отчима, сердце её упало. Ибо кто-кто, а герцог Адамант Вестгейерский к ней в дом с хорошими новостями не пришёл бы. Это она знала также хорошо, как и то, что Кинвет гораздо больше опасался вмешательства в их помолвку этого человека, чем своего отца.

И выходит не зря...

Хотя, мысленно горько усмехнулась она, без отца Кинвета, Великого короля Кинварха, явно тоже не обошлось. Просто не пристало Великому королю самому заниматься тем, чем может заняться его доверенное лицо.

Дабы, случайно не выдать, насколько сильно она не рада столь высокому гостю, как, впрочем, и того, что она знает, кто именно к ним пожаловал, Эджения перевела взгляд на стоящего возле окна пузатого краснолицего коротышку.

– Вы хотели видеть меня... бба-атюшка, – слово «батюшка», как и всегда, далось ей с трудом. Но мать настаивала, чтобы она, обращаясь к их «спасителю от разорения и бесчестия», называла его исключительно: «батюшка» и никак иначе.

Обернувшись на голос падчерицы, «батюшка» прошёлся по ней сальным взглядом маленьких бесцветных глазок и расплылся в приторно-слащавой улыбке.

– Жени-ии, – с ударением на последний слог, пропел он. – Ну что ты стала в дверях, как не родная, проходи. Я взял на себя смелость заказать тебе чая. Разумеется, я предупредил Ганса, чтобы тебе заварили твой любимый арнаутский чай.

После этих слов отчима, Эджения уже не предчувствовала, а знала – пришла беда. Эти двое определенно что-то задумали. Что-то, что выгодно Светлейшему герцогу и делает, в прямом смысле слова, счастливым её жадного до почестей и денег отчима.

Однако деваться снова было некуда: изобразив на лице благодарную улыбку, она сделала книксен, затем прошла и присела в предложенное ей кресло.

– Жени-ии, дорогая, ты, конечно же, знаешь, герцога Вестгейерского! – заискивающе улыбаясь гостю, пропел коротышка.

Эджения вскинула глаза, в которых отразились талантливо разыгранные растерянность и восторг...

– О-оу! Ваше сиятельство! Прошу прощения! Конечно же, я слышала о вас, – смущенно проговорила девушка. – Но не имела чести быть представленной. И поэтому не узнала... – извиняющимся тоном проговорила она, опустив глаза.

– Ну что вы, дитя моё! Вам совершенно не за что просить у меня прощения! Я ведь не король, чтобы мой лик был отпечатан на каждой монете и висел практически в каждом доме.

Более того, должен признать, что и я о вас тоже услышал только сегодня утром, когда Его Высочество попросил меня...

– Его Высочество? А он?.. – не удержалась от вопроса девушка. – Сам он где?

– А сам он, боюсь, уже за десятки километров отсюда. Видите ли милая Жени-иии, Его Высочество – наш будущий король. А долг короля – быть там, где он нужен в данный момент больше всего. И сегодня – это южные границы нашего королевства. Ох, – притворно спохватился он, – простите покорнейше, уверен, что вы это и без меня знаете! Да и я здесь вовсе не для того, чтобы вас поучать, а для того, чтобы передать вам письмо от моего племянника, – покровительственно-приторно улыбнувшись, проговорил он, протянув девушке запечатанный свиток.

– От Его Высочества?.. – скорее просто автоматически, чем потому что сомневалась, уточнила Эджения.

Улыбка высокого гостя стала ещё приторней.

– От кого же ещё? Насколько я знаю, других племянников у меня нет.

Сделав глубокий реверанс, девушка приняла письмо из рук очень и очень подозрительно благожелательного герцога.

Руки её дрожали. Сердце бешено билось в груди. Содержание послания настолько её страшило, что гладкая поверхность свитка в буквальном смысле обжигала ей пальцы.

– Я должна прочитать то, что здесь написано при вас... вслух? – приложив громадные усилия для того, чтобы голос её не дрожал, уточнила Эджения.

– Что вы! Ни в коем случае! То, что там написано предназначено только вам и только вам, – заверил её Светлейший герцог. Покровительственно-слащавая улыбка которого в данный момент напоминала ей улыбку королевской кобры.

Ни то, чтобы Эджения когда-либо видела улыбающуюся кобру, просто она была уверена, что, если бы кобре вдруг вздумалось улыбнуться, она улыбалась бы именно так.

– Я-аа... тогда пойду? – неуверенно спросила девушка.

– Идите, дитя моё, идите, – ласково разрешил герцог.

Глава 7

Едва за падчерицей закрылась дверь, хозяин кабинета одновременно заискивающим, восхищенным и заговорщицким голосом скорее утверждающе, чем вопрошающе поинтересовался у Светлейшего герцога:

– Вы подменили письмо?

Адамант Вестгейерский в притворном недоумении округлил глаза.

– Фартелиус Борель Маллуин, да как вам такое вообще в голову пришло?! Как вы могли обо мне такое подумать?! Чтобы я подменил доверенный мне сыном моего Короля документ?! Да за кого вы меня принимаете?! – с совершенно искренним возмущением в голосе грозно спросил он. Вслед за чем, почти торжественно добавил: – Письмо самое что ни на есть настоящее!!!

– Конечно-конечно! Разумеется, письмо настоящее! – часто и интенсивно закивав головой, заговорщицки подмигнув заверил Фартелиус.

– Боюсь, вы не поняли, меня уважаемый, – ледяным тоном осадил Адамант. – Письмо, которое я передал вашей падчерице – подлинное от первого до последнего слова и, насколько я знаю намерения Его Высочества, в нашем с вами деле оно ничем не поможет.

Фартелиус Борель Маллуин недоуменно посмотрел на своего высокого гостя:

– Но вы сказали... Но я думал, что вы... – залебезил он.

– Что я сделаю за вас всю работу? – усмехнулся Адамант. – Причём ни какую-нибудь, а наиболее грязную и неблагодарную её часть? И зачем тогда, позвольте спросить, мне нужны были бы вы? – при этих словах улыбка герцога превратилась в оскал. – Исключительно для моральной поддержки? – язвительно поинтересовался он.

– Прошу прощения, милорд, но, боюсь, я вас не понимаю... – захлопал сальными глазами толстяк. – Вы сказали, что поможете мне...

Герцог Вестгейерский кивнул.

– И я помогу. Именно помогу, а не сделаю за вас всю работу, – проговорил он, доставая из пространственного кармана шкатулку. – И я помогу вам тем, что обеспечу отсутствие Его Высочества в столице в течение двух месяцев, как минимум. И ещё я помогу вам вот этим», – протянул он шкатулку. – Здесь внутри убеждающее зелье, которым я пообещал вас обеспечить, – объяснил он. – Всё остальное на вас.

– Но, милорд, я просто хотел сказать, что с помощью подложного письма убедить Эдженнию в том, что она больше не нужна Его Высочеству было бы намного проще! – несмотря на ужас перед гостем, всё же озвучил свои соображения хозяин кабинета.

Адамант Вестгейерский, закатив глаза, цокнул языком и покачал головой.

– Хорошо объясню ещё раз, – раздраженно прокомментировал он. – Вы имеете в виду, вам было бы легче? Уважаемый, вы преуменьшаете! Вы мне в принципе бы не понадобились! Как, впрочем, и подложное письмо! Уж поверьте мне, захоти я, и я нашёл бы способ избавиться не только от вашей падчерицы или от средней руки купчишки вроде вас, но и вообще от любого, кому не повезло бы оказаться на моём пути, милейший! Верите?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.